

КЛАСИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Рекс
Стаут

ЕСЛИ БЫ СМЕРТЬ СПАЛА

ТРОЕ НА ОДИН СТУЛ
ЕСЛИ БЫ СМЕРТЬ СПАЛА
ЧЕТВЕРО ДОЛЖНЫ УЙТИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 78

Rex Stout
THREE FOR THE CHAIR
Copyright © 1955, 1956 by Rex Stout
IF DEATH EVER SLEPT
Copyright © 1957 by Rex Stout
AND FOUR TO GO
Copyright © 1957, 1958 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Елены Копосовой, Ольги Александровой, Александра Санина

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-18307-0

© Е. А. Копосова, перевод, 2014
© О. Э. Александрова, перевод, 2021
© А. В. Санин, перевод, 1994
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

ТРОЕ
НА ОДИН СТУЛ

ОКНО СМЕРТИ

ГЛАВА 1

Ниро Вулф сидел за письменным столом и хмурился, глядя на посетителя в красном кожаном кресле. Я, развернувшись спиной к своему столу, держал блокнот наготове и не хмурился.

Мрачным Вулф был отчасти из природной предрасположенности, но главным образом потому, что Дэвид Р. Файф не позвонил заранее, чтобы договориться о своем визите. Казалось бы, не так уж это и важно. Вот наш кабинет на первом этаже старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице. Вот Вулф, сидит в своем любимом кресле и точит перочинный ножик на старом оселке, который хранит в ящике стола. Вот я, Арчи Гудвин, горю желанием отработать свое жалованье, исполняя любой каприз Вулфа — в рамках разумного. Вот Фриц Бреннер, моет на кухне посуду после обеда, готовый по сигналу — один короткий звонок и один длинный — принести пива. Вот Теодор Хорстман, ухаживает в оранжерее на крыше за десятью тысячами орхидей. И вот в красном кожаном кресле посетитель, которому явно нужны услуги частного детектива, а иначе зачем ему сюда приходиться. Если бы не он и подобные ему люди, пришлось бы Фрицу, Теодору и мне околачиваться в поисках работы, а что делал бы Вулф — одному Богу известно. И тем не менее Вулф недоволен хмурился, глядя на посетителя. Перед тем как явиться на прием, ему следовало сначала договориться по телефону.

А Дэвид Файф сидел в красном кожаном кресле, подавшись вперед, узкие плечи поникли, узкое бледное лицо осунулось. На вид я дал ему лет пятьдесят, но люди, которых обстоятельства

вынуждают обращаться к частным детективам, часто выглядят старше своих лет. Сообщив нам усталым, настороженным голосом свое имя, адрес и род занятий — заведующий кафедрой английского языка в старшей школе Одиубона в Бронксе, — он сказал, что хочет попросить Вулфа расследовать одно семейное дело.

— Супружеское? — Вулф издал звук под стать мрачному взгляду. — Нет.

— Оно не супружеское, — покачал головой Файф. — Я вдовец; у меня двое детей — старшекласники. Речь идет о моем брате Бертраме... о его смерти. Он скончался в субботу ночью от пневмонии. Тут нужно... Мне придется объяснить все с самого начала.

Вулф глянул на меня, и я понял, что у него на уме. Если он позволит Файфу все рассказать, то, возможно, ему придется взяться за работу, а он ненавидит работать, особенно когда на счету в банке достаточно денег. Но я слегка сжал губы в ответ на его взгляд, и Вулф, вздохнув, обратился к посетителю:

— Прошу вас.

Файф приступил к рассказу, а я стал за ним записывать. Его брат Бертрам появился в Нью-Йорке месяц назад — внезапно, без предупреждения, после двадцати лет отсутствия. Он снял апартаменты в отеле «Черчилль тауэр» и связался со своими родными — старшим братом Дэвидом, тем самым, который вел рассказ, младшим братом Полом и сестрой Луизой, в замужестве миссис Винсент Таттл. Они все, включая мужа сестры, рады были вновь увидеться с ним после стольких лет разлуки. Порадовала их и новость о том, что Бертрам сумел-таки сорвать банк — нашел золотую жилу, как выразился Дэвид: он разведаль и записал на себя четырехмильный участок месторождения урана неподалеку от местечка под названием Блэк-Элбоу где-то в Канаде. Всегда приятно знать, что в твоей семье кому-то повезло.

Итак, они с распростертыми объятиями приняли Бертрама — своего брата Берта, а с ним и молодого человека по имени Джонни Эрроу. Они вместе приехали из Канады и вместе поселились в «Черчилль тауэре». Берг вел себя вполне по-род-

ственному и с удовольствием вспоминал прошлое. Он даже попросил Пола, который работал агентом по недвижимости, разузнать о возможности покупки старого дома в Маунт-Киско, где все они родились и провели детские годы. Судя по всему, Берт намерен был вернуться в семью. Десять дней назад, шестого числа, в субботу, он пригласил их всех прийти на обед, а потом сходить в театр, но, увы, в четверг слег с пневмонией. Ложиться в больницу Берт отказался наотрез и настоял, чтобы они пообедали в его апартаментах, как планировалось, и не дали пропасть билетам в театр. Так что в субботу, ближе к вечеру, они собрались у Берта и выполнили всю намеченную программу, а после спектакля опять зашли к нему, чтобы выпить шампанского.

Точнее, в театр пошли не все, а только четверо: сестра Луиза с мужем, Джонни Эрроу из Канады и сам Дэвид. Младший брат Пол заявил, что негоже бросать Берта одного на попечение сиделки, и остался с ним в апартаментах. Когда эти четверо вернулись, посмотрев пьесу, к Берту, то застали странную ситуацию. Пол отсутствовал, а у сиделки был разорван халат и на щеках, шее и руках виднелись следы борьбы. Она уже позвонила доктору, чтобы тот прислал другую сиделку, и намеревалась уходить, как только прибудет замена. Сестре Луизе не понравились кое-какие замечания сиделки, поэтому она велела девушке покинуть апартаменты немедленно, и та ушла. Луиза сама перезвонила доктору и сказала, что дождется прихода новой сиделки. Джонни Эрроу исчез, то есть на месте событий остались только Дэвид и Луиза с мужем, Винсентом Таттлом. Дэвид наведалься в комнату Берта, увидел, что брат крепко спит после укола морфина, который сделала ему сиделка по предписанию доктора, и отправился домой.

Луиза и Таттл устроились на ночь в комнате, которую, судя по всему, занимал Джонни Эрроу, но еще не заснули, когда в дверь позвонили. Таттл поднялся, чтобы открыть. Это был Пол. Младший брат заявил, что в баре на первом этаже отеля его избил Джонни Эрроу, и в доказательство продемонстрировал разнообразные синяки. Эрроу, сказал Пол, увели двое полицейских. По мнению Пола, у него была сломана челюсть

и, возможно, пара ребер, поэтому он не решился сесть за руль, чтобы ехать домой в Маунт-Киско. Тогда его уложили на диване в гостиной, и через тридцать секунд он уже вовсю храпел. Еще раз заглянув в комнату Берта, Луиза и Таттл вернулись в кровать. Около шести часов утра их разбудил Пол. Сам он проснулся оттого, что свалился с дивана, после чего решил посмотреть, как там Берт, и обнаружил, что тот мертв. Они позвонили портье с просьбой позвать здешнего врача. Вообще-то, Берта лечил, по его настоянию, их старый семейный доктор, но ждать, когда тот доберется на Манхэттен из Маунт-Киско, не было времени. Конечно, его тоже сразу же известили, и он приехал, только позднее.

Вулф начал ерзать. Ерзает он так: пальцем выводит на подлокотнике кресла кружки размером с мелкую монету.

— Смею надеяться, — буркнул он, — что заключения врачей оправдывают ваш визит ко мне и этот пространный рассказ. Или хотя бы заключение одного из них.

— Нет, сэр, — отрицательно качнул головой Дэвид Файф. — Они не обнаружили ничего дурного. Мой брат умер от пневмонии. Доктор Буль — наш старый доктор из Маунт-Киско, доктор Фредерик Буль, — подписал свидетельство о смерти, и мы похоронили брата в понедельник, то есть вчера, на семейном участке на кладбище. Конечно, уход сиделки сделал ситуацию... гм... неловкой, но серьезных вопросов это не вызвало.

— Так какого дьявола вы хотите от меня?

— Я как раз подошел к этому. — Файф прочистил горло, и, когда заговорил снова, в его голосе слышалось еще больше настороженности, чем раньше. — Вчера, после похорон, Джонни Эрроу попросил нас прийти в апартаменты к одиннадцати часам сегодняшнего утра, чтобы присутствовать при оглашении завещания, и мы, разумеется, пришли. Луиза привела с собой мужа. Там был адвокат по фамилии Макнил, который прилетел из Монреаля. Завещание было у него. Написано завещание было обычной юридической абракадаброй, но сводилось оно к тому, что Берт оставляет все свое состояние Полу, Луизе и мне, а душеприказчиком назначает своего канадского приятеля Эрроу. Размер состояния в завещании не был обозначен, но

из того, что говорил Берт, я предположил, что его урановые владения могли стоить миллионов пять, а то и в два раза больше.

Вулф перестал ерзать.

— Затем, — продолжал Файф, — адвокат достал из своего портфеля еще один документ. Он сказал, что это копия договора между Бертрамом Файфом и Джонни Эрроу, составленного год назад по их инициативе. Он зачитал его. В преамбуле говорилось о том, что партнеры пять лет вместе искали уран и вместе обнаружили ту жилу в Блэк-Элбоу, а суть состояла в том, что если один из них скончается, то все месторождение перейдет в собственность того, кто останется в живых, включая имущество, приобретенное покойным на доходы от разработки жилы. Формулировки там были иные, как положено в юридических текстах, однако смысл именно таков. Как только документ был дочитан, Джонни Эрроу заявил, что все, чем владел Берт, было приобретено на доходы от урана из Блэк-Элбоу и что теперь это имущество полностью принадлежит ему, в том числе крупные вклады в канадских банках. Затем Эрроу добавил, что, собираясь в Нью-Йорк, Берт перевел в нью-йоркский банк тридцать или сорок тысяч долларов и что он, Эрроу, не будет претендовать на то, что осталось от этой суммы. Этот остаток и есть то состояние, на которое мы можем рассчитывать.

Дэвид сдержанно развел руками:

— Я счел, что со стороны Эрроу это был великодушный поступок, ведь он вполне мог бы потребовать, чтобы и эту сумму отдали ему. Мы задали адвокату несколько вопросов, после чего распрощались с ним и с Эрроу и отправились в ресторан на ланч. Пол рвал и метал. У моего брата Пола, знаете ли, вспыльчивый характер. Он хотел обратиться в полицию, сказать, что Берт скончался при странных обстоятельствах, и попросить провести расследование. Его теория состояла в том, что Эрроу, увидев, как сближается Берт с родственниками, стал опасаться: не начнет ли его товарищ делать щедрые подарки семье, не отдаст ли нам долю в рудниках. По договору подаренное имущество не перешло бы к Эрроу в случае смерти Берта, и тогда якобы Эрроу решил, что Берт должен умереть немедленно.

Винсент Таттл, муж моей сестры, возразил, что, даже если эта теория верна, Эрроу не успел исполнить свои намерения, ведь два компетентных врача согласны в том, что Берт скончался от пневмонии. Мы с Луизой поддержали Таттла, однако Пол стоял на своем и намекал на то, будто ему известно нечто такое, о чем мы не в курсе. Впрочем, он всегда любил напустить таинственности. Итак, он продолжал тянуть нас в полицию, мы возражали, и наконец я предложил компромисс — обратиться не в полицию, а к Ниро Вулфу и попросить его, то есть вас, расследовать смерть брата со следующим условием: если вы решите, что есть основания привлечь полицию, тогда мы сделаем так, как требует Пол. Ну а если, по-вашему, таких оснований нет, тогда Пол выкинет из головы эту идею. Пол сказал, что он примет ваш вывод, и вот я здесь. Мы знаем, ваши услуги стоят дорого, но наше дело не потребует чересчур... гм... Я хочу сказать, что оно не кажется излишне сложным. Здесь все достаточно просто, как на ваш взгляд?

— Может быть, — хмыкнул Вулф. — Вскрытие проводилось?

— Нет, нет, что вы. Боже упаси!

— Оно должно было стать первым шагом, но теперь без полиции уже ничего не сделать. До захоронения вскрытие можно было объяснить медицинской необходимостью, а для эксгумации потребуются решение властей. Если я правильно понял, вы хотите, чтобы я провел расследование и сделал вывод относительно целесообразности обращения в полицию.

— Именно так, все верно, — энергично закивал Файф. — Скандал нам не нужен. Мы не хотим, чтобы пошли всякие слухи...

— Этого мало кто хочет, — сухо заметил Вулф. — Но вы должны отдавать себе отчет в следующем: нанимая меня, вы сами можете спровоцировать скандал. Вы, несомненно, понимаете, что если я обнаружу свидетельства грязной игры, то не в вашей власти будет решать, скрывать их или предавать огласке. Я не стану прятать улики, указывающие на убийство, если таковые найдутся. Если в результате моего расследования ока-

жется, что вы сами совершили преступление, то я вправе буду действовать так, как сочту необходимым.

— Конечно. — Файф попытался изобразить улыбку, и у него это почти получилось. — Я ведь знаю, что никакого преступления не совершал, и сомневаюсь, что преступление вообще имело место. У моего брата Пола слишком буйное воображение. Вы захотите встретиться с ним, как я понимаю, и он тоже этого захочет.

— Я захочу встретиться со всеми, — угрюмо пробурчал Вулф. Работа. Он ухватился за соломинку. — Учитывая обстоятельства, я вынужден попросить об авансе в знак честности ваших намерений. Скажем, чек на тысячу долларов.

Попытка была не такой уж безнадежной, ведь у заведующего кафедрой английского языка с двумя подростками на иждивении могло и не оказаться лишней тысячи, и тогда сделка не состоялась бы. Однако Файф даже не думал сбивать цену. Он, правда, глотнул воздуха, услышав цифру, и потом еще раз, когда вынул чековую книжку с ручкой и выписал чек. После того как он поставил свою подпись, я поднялся, принял протянутый мне чек и передал его Вулфу.

— Дороговато, — произнес Файф, не жалуясь, а просто констатируя факт, — но ничего не поделать. Иначе Пол не успокоится. Когда вы планируете встречу с ним?

Вулф глянул на чек и положил его под пресс-папье — кусок иссохшей древесины, которым однажды человек по фамилии Дагган проломил своей жене череп. Потом Вулф посмотрел на настенные часы. Оставалось двадцать минут до четырех часов, а это время его ежедневного визита в оранжерею.

— Сначала, — сказал он Файфу, — я должен поговорить с доктором Булем. Вы сможете пригласить его сюда к шести часам?

На лице Дэвида отразилось сомнение.

— Ну, я попробую. Ему придется ехать из Маунт-Киско, и он занятой человек. А нельзя ли как-нибудь без него? Он констатировал смерть, и репутация у него отменная.

— Без него проводить расследование невозможно. Я должен увидеть его до того, как займусь остальными. Если он сможет прибыть сюда к шести часам, договоритесь, чтобы другие

участники подъезжали к половине седьмого. Я имею в виду ваших брата и сестру, а также мистера Таттла и мистера Эрроу.

Файф изумленно уставился на Вулфа.

— Ради бога, только не Эрроу! — запротестовал он. — Да он и не согласится. — Файф замотал головой. — Нет. Его я звать не буду.

Вулф пожал плечами:

— Тогда я сам его приглашу. К тому же... Да, так будет лучше. Дело может затянуться, а я обедаю в половине восьмого. Если вы сумеете устроить так, чтобы доктор Буль был здесь к девяти часам, тогда приводите остальных к половине десятого. Таким образом, если понадобится, мы сможем задержаться. В нашем распоряжении будет целый вечер. Кое-что мы с вами, мистер Файф, могли бы обсудить прямо сейчас, например, ту ситуацию, которую вы застали в апартаментах после возвращения из театра, а также примирение вашего брата Бертрама с родственниками. Но у меня назначена встреча, а кроме того, все это можно будет обговорить во всех деталях сегодня вечером. А пока дайте, пожалуйста, мистру Гудвину адреса и телефоны тех, кто имеет отношение к делу.

С этими словами Вулф наклонил свое необъятное туловище вперед, дотянулся до перочинного ножа и стал осторожно водить им по оселку. Поскольку его прервали посреди процесса, Вулф был намерен во что бы то ни стало закончить начатое.

— Я ведь описал ту ситуацию, — сказал Файф более резким тоном, — и даже не стал скрывать, что, возможно, Пол остался в апартаментах с целью приударить за сиделкой. Его методы ухаживания за женщинами я нахожу совершенно неприемлемыми. Как я уже говорил, он вспыльчив.

Подушечкой большого пальца Вулф вдумчиво проверял остроту лезвия.

— И почему вы считаете нужным обсуждать примирение Берта с родней? — поинтересовался Файф.

— Потому что вы употребили это слово. — Вулф продолжил заточку. — Раз речь идет о примирении, значит была ссора. Возможно, это направление не имеет отношения к делу, но то же

самое верно и в отношении большинства направлений в любом расследовании. Все это вполне может подождать до вечера.

— Это давнее дело, — нахмурился Файф, и резкость в его голосе снова сменилась настороженностью. — И вероятно, оно-то как раз имеет отношение к делу, поскольку частично объясняет позицию Пола. А еще, я полагаю, мы крайне чувствительны к любому намеку на скандал. Для нас пневмония — щекотливая тема. Двадцать лет назад от пневмонии скончался наш отец, однако полиция подозревала, что его убили, да и не только полиция. Он лежал в спальне на первом этаже нашего дома в Маунт-Киско, и дело было в январе. Однажды разразилась сильная метель, а кто-то открыл в его спальне два окна и оставил их распахнутыми на всю ночь. В пять часов утра я застал отца уже мертвым. На полу намело сугробы высотой почти с фут, снег был даже на кровати. В ту ночь за отцом присматривала Луиза, но она крепко спала на диване в соседней комнате и ничего не слышала. Полагали, что кто-то подсыпал снотворное в горячий шоколад, который она выпила в полночь, но доказательств не нашли. Окна не были заперты на щеколду, то есть их могли открыть и снаружи — скорее всего, так и было. Мой отец занимался недвижимостью и был довольно жестким дельцом, так что в округе имелись люди, которые... гм... которые недолюбливали его.

Файф снова развел руками:

— Как видите, налицо определенное совпадение. К несчастью, мой брат Берг — тогда ему было всего двадцать два года — поссорился с отцом и больше не жил с нами. Он поселился в меблированных комнатах примерно в миле от нашего дома и устроился на работу в автомастерскую. Полиция сочла, что нашла достаточно улик, чтобы арестовать его за убийство, и дело передали в суд. Однако этих улики все же не хватило, потому что его оправдали. Более того, у него имелось алиби. В ту ночь он до двух часов играл в карты со своим приятелем Винсентом Таттлом — тем самым, который позднее женился на нашей сестре, — в комнате Таттла в том же пансионе. Так как метель прекратилась вскоре после двух часов, окна должны были открыть задолго до этого. Во время суда нам — Полу, Луизе и мне — при-

шлось давать свидетельские показания, и Берту кое-какие наши слова не понравились, хотя мы говорили только правду и только то, что и так было известно, в частности, о его ссоре с отцом. О ней все знали. На следующий же день после оправдательного приговора Берт покинул город, и мы больше не слышали о нем. Ни слова за двадцать лет. Вот почему я употребил слово «примирение».

Вулф опустил ножик в карман и убрал оселок на место, в ящик стола.

— На самом деле, — продолжал Файф, — Эрроу ошибался, говоря, будто у Берта нет ничего, кроме того, что он приобрел на доходы от уранового месторождения. Берт так и не получил свою долю в отцовском наследстве, так как его не смогли найти, а мы не обращались в суд с просьбой распределить ее между нами. Завещанная ему четверть состояния в то время оценивалась примерно в шестьдесят тысяч долларов, а теперь эта сумма удвоилась. Конечно, теперь ее получим мы — Пол, Луиза и я, но, честное слово, никакой радости нам это не принесет. Не буду скрывать, мистер Вулф, мне жаль, что Берт вернулся. Его появление вскрыло старые раны, а теперь вот он умер, и то, как все случилось, и Пол со своими...

Было уже без одной минуты четыре, и Вулф отодвигал от стола кресло, чтобы встать.

— Да-да, мистер Файф, — согласился он. — Живой причинял неприятности, и от мертвого одни проблемы. Пожалуйста, сообщите мистеру Гудвину все данные и позвоните, когда договоритесь насчет вечера.

И он направился к двери.

ГЛАВА 2

Наведение справок часто оказывается полезным даже в тех случаях, когда в этом вроде бы нет необходимости. Вот почему сразу после ухода Файфа я обзвонил свои источники и стал обладателем скудных сведений сомнительной ценности. Дэвид

преподавал в старшей школе Одюбона двенадцать лет, из них четыре года возглавлял кафедру английского языка. Агентство недвижимости Пола в Маунт-Киско не то чтобы процветало, но и банкротство ему, по-видимому, не грозило. Аптека, где работал Винсент Таттл, расположенная также в Маунт-Киско, принадлежала ему самому и считалась преуспевающим заведением. Дэвид не знал ни адреса, ни телефонного номера сиделки, только то, что ее звали Энн Горен, но Вулфу нужны были все, в том числе и эта Энн Горен, поэтому я отыскал ее имя в телефонном справочнике Манхэттена в разделе «Лицензированные сиделки». Первые два раза, когда я набрал ее номер, линия была занята, а следующие три раза никто не ответил. Не смог я дозвониться и до Эрроу. Звонки в отель «Черчилль тауэр» поступали на коммутатор, и я оставил для Эрроу сообщение с просьбой перезвонить, после чего сам позвонил ему еще раз шесть. Наконец, буквально за несколько минут до того, как Фриц позвал нас на обед, я разыскал Тима Эвартса, штатного детектива, а для вас — сотрудника службы безопасности отеля, и задал ему несколько деликатных вопросов. Ответы были как «за», так и «против». «За»: Эрроу оплачивал апартаменты класса люкс, а работники бара и ресторана ему симпатизировали, особенно за щедрые чаевые. «Против»: в субботу вечером Эрроу изрядно поколотил одного парня и пришлось вызывать полицию, чтобы утихомирить его. Тим сказал, что с точки зрения техники это было прекрасное выступление, однако бар отеля — не место для демонстрации приемов.

Потом позвонил Файф и сообщил, что обо всем договорился. В девять часов вечера, ко времени прибытия доктора Фредерика Буля, мы с Вулфом уже расправились с четырьмя фунтами мусса из лосося, приготовленного по рецепту самого Вулфа, и с летним салатом и перешли в кабинет. Звонок в дверь заставил меня отправиться в прихожую. Там я включил свет и всмотрелся через одностороннюю стеклянную панель на входной двери, желая узнать, кто стоит на крыльце. То, что я увидел, явилось для меня двойным сюрпризом. Во-первых, доктор Буль, если это был он, оказался не дряхлым, потертым сельским лека-

рем, а импозантным седовласым мужчиной, который держался очень прямо и был отменно одет. Во-вторых, с ним была молодая особа, тоже очень видная — ее достоинства бросались в глаза даже на расстоянии и невзирая на помеху в виде стеклянной панели.

Я отворил им дверь. Мужчина отошел в сторону, пропуская даму, и затем последовал за ней со словами, что он — доктор Буль и что у него назначена встреча с Ниро Вулфом. Благородные седины доктора не были покрыты шляпой, так что, не задерживаясь у вешалки, я провел их в кабинет. В дверях доктор помедлил, чтобы осмотреться, затем прошагал к столу Вулфа и напористо произнес:

— Я Фредерик Буль. Меня попросил приехать сюда Дэвид Файф. Что вообще происходит?

— Понятия не имею, — едва слышно произнес Вулф; после еды он обычно говорит тихо, если только его не выведут из себя. — Меня наняли, чтобы я это выяснил. Присаживайтесь, сэр. А эта молодая дама?

— Это сиделка. Мисс Энн Горен. Садитесь, Энн.

Она уже расположилась в кресле, которое я ей придвинул. Мое мнение о Поле Файфе претерпело изменения. Может, он и проявил излишнюю вспыльчивость, но соблазн был поистине велик. А следы борьбы на ее шее и щеках были, должно быть, поверхностными, поскольку никаких шрамов я не заметил. И думаю, белый халатик сиделки провоцирует куда сильнее, чем синее хлопчатобумажное платье под жакетом-болеро в тон. Но даже и в синем хлопчатобумажном платье я мог бы... но опустим это. Она же пришла сюда по делу. За кресло она поблагодарила меня холодно, без улыбки.

Доктор Буль, устроившись в красном кожаном кресле, потребовал объяснений:

— Ну так в чем дело?

— Разве мистер Файф не объяснил вам? — спросил Вулф.

— Он сказал, что Пол считает смерть Берта подозрительной и хочет идти в полицию, а Луиза, Дэвид и Винсент Таттл не в силах его отговорить. Поэтому они согласились, что попро-

сят вас провести расследование и примут ваше решение. Дэвид повидался с вами, и вы настояли на том, чтобы побеседовать со мной. Считаю, что в этом нет никакой необходимости. Я уважаемый специалист, и я подписал свидетельство о смерти, вызванной пневмонией.

— Да, я в курсе, — прошелестел Вулф. — Но, если от меня ждут окончательного решения, оно должно быть хорошо обоснованным. У меня и в мыслях не было сомневаться в правомерности выписанного вами свидетельства о смерти, тем не менее несколько вопросов я хотел бы вам задать. Когда вы в последний раз видели Бертрама Файфа живым?

— В субботу вечером. Я провел с ним полчаса и ушел в двадцать минут восьмого. Его родственники были там же, обедали в гостиной. Ложиться в больницу Берт отказался. Я установил ему кислородную палатку, но он постоянно срывал ее, не хотел лежать под ней, и все тут. Я так и не сумел уговорить его, как не сумела и мисс Горен. У Берта были сильные боли, по крайней мере, он так говорил, но температура опустилась до ста двух градусов. Вообще он был трудным пациентом. Никак не мог заснуть, и я попросил сиделку ввести ему четверть грана морфина, как только разойдутся гости, и если этого окажется недостаточно, то через час повторить. Предыдущим вечером он также получил полграмма.

— Затем вы вернулись в Маунт-Киско?

— Да.

— Вы предполагали, что той ночью он может умереть?

— Конечно нет.

— Значит, вы удивились, когда в воскресенье утром вам сообщили, что он скончался?

— О да. — Буль обхватил ладонями подлокотники кресла. — Мистер Вулф, я терплю это только потому, что обещал Дэвиду Файфу. Вы ведете себя глупо. Мне шестьдесят. Я практикую уже тридцать с лишним лет, и добрая половина моих пациентов удивила меня тем или иным образом: у одного слишком сильное кровотечение, у другого слишком слабое, у кого-то аллергия на аспирин, у кого-то нет температуры, хотя анализ крови

говорит об обратном, кто-то живет, когда по всем статьям должен умереть, а кто-то умирает при благоприятном прогнозе. Такова судьба врача общей практики. Да, смерть Бертрама Файфа стала неожиданностью для меня, но подобных случаев было достаточно. Я очень тщательно осмотрел тело через несколько часов после кончины и не обнаружил ничего, что заставило бы меня сомневаться в причине смерти. Поэтому я выписал свидетельство.

— Почему вы осматривали тело очень тщательно? — по-прежнему едва слышно спросил Вулф.

— Потому что сиделка оставила его одного посреди ночи — была вынуждена оставить — и я не сумел быстро найти замену. Мне удалось договориться лишь о том, чтобы другая сиделка пришла к семи часам утра. При таких обстоятельствах я считал разумным провести более тщательный осмотр.

— И вы абсолютно убеждены, что причиной смерти стала пневмония и что не было никаких способствующих факторов?

— Нет, конечно же нет. Абсолютная убежденность — редкость в моей профессии, мистер Вулф. Но я достаточно убежден, что у меня были все основания констатировать смерть от естественных причин и выписать свидетельство. Имелись все признаки того, что Бертрам Файф, говоря языком обывателей, умер от пневмонии. Я не играю словами. Много лет назад другой мой пациент также скончался от пневмонии, только это случилось холодной зимней ночью в комнате, где кто-то оставил открытыми окна. В случае же с Бертрамом Файфом стояла жаркая летняя ночь и окна были закрыты. Апартаменты оборудованы кондиционером, и я велел сиделке поддерживать в комнате восемьдесят градусов, поскольку пациенты с пневмонией должны находиться в тепле. Она так и делала. Для того пациента, о котором я упоминал, распахнутые окна и метель действительно стали способствующими факторами, но в случае с Бертом таких факторов не было.

— Вы превосходно разъяснили этот вопрос, доктор, — одобрительно кивнул Вулф, — однако из сказанного вами возникает новый. Кондиционер. Что, если после ухода сиделки кто-то

повернул регулятор температуры в крайнее — самое холодное — положение? Остыла бы тогда комната настолько, чтобы вызвать смерть вашего пациента, когда вы предполагали, что он выздоровеет?

— Я бы сказал, что нет. Такую возможность я тоже рассматривал. Мистер и миссис Таттл заверили меня, что не прикасались к регулятору и что температура в комнате оставалась ровной. В любом случае в столь жаркую ночь кондиционер не смог бы опустить температуру до критического уровня. Тем не менее я хотел все проверить, ведь сиделки при больном не было, и я попросил персонал отеля провести эксперимент в субботу вечером, прямо в той комнате, где все случилось. После того как кондиционер проработал в режиме охлаждения шесть часов, температура в комнате опустилась всего лишь до шестидесяти девяти градусов. Для человека с пневмонией, даже хорошо укрытого, это слишком холодно, но точно не смертельно.

— Понятно, — пробормотал Вулф. — Вы не стали полагаться на заверения мистера и миссис Таттл.

— Мне кажется, вы несправедливы. — Буль улыбнулся. — Я полагался на них в не меньшей степени, чем вы полагаетесь на меня. Я проявил скрупулезность. Я вообще скрупулезный человек.

— Прекрасное качество. Я им тоже обладаю. Не было ли у вас подозрений — с поводом или без, — будто кто-то сумел использовать пневмонию, чтобы убить вашего пациента?

— Нет. Я просто проявил скрупулезность.

— Хорошо, — кивнул Вулф.

Он издал протяжный вздох и, когда закончил, повернул голову, чтобы сосредоточиться на сиделке. Во время беседы она, положив руки на колени, сидела с прямой спиной и поднятым подбородком. Мне достался ее профиль. Существует не так много женских подбородков, которые выглядят безупречно как спереди, так и сбоку.

— Всего один вопрос, мисс Горен, или два, — обратился к ней Вулф. — Вы согласны со всем, что рассказал сейчас доктор Буль, — со всем, что вам известно?

— Да, согласна. — Голос у нее оказался сипловатым, но ей пришлось долго молчать, может, в этом дело.

— Насколько мне известно, пока все были в театре, Пол Файф пытался оказывать вам знаки внимания, которые вы отвергли. Это верно?

— Да.

— Не помешало ли общение с мистером Полом Файфом исполнению ваших обязанностей? Не пострадал ли от этого ваш пациент?

— Нет. Пациент крепко спал под воздействием снотворного.

— Не хотите ли вы добавить что-либо или уточнить? Дэвид Файф нанял меня, чтобы выяснить, есть ли основания обращаться в полицию в связи со смертью его брата. Нет ли у вас каких-то сведений, которые могли бы помочь мне?

Энн Горен на мгновение отвела глаза, чтобы глянуть на Буля, потом снова посмотрела на Вулфа.

— Нет, — ответила она и поднялась. Конечно, сиделкам положено вставать со стула, не производя шума, но она буквально взлетела. — Это все?

Вулф не ответил, и она двинулась к выходу, Буль тоже встал. Но, когда Энн Горен была уже на полпути к двери, Вулф окликнул ее, на этот раз довольно громко:

— Мисс Горен! Минуточку!

Она обернулась и посмотрела на него вопросительно.

— Присядьте, пожалуйста, — попросил он сиделку.

Энн Горен замерла на миг, опять встретилась глазами с Булем и возвратилась на место.

— Да? — произнесла она.

Несколько секунд Вулф смотрел на нее, а потом неожиданно повернулся к Булю:

— Я мог бы раньше спросить вас, зачем вы привели мисс Горен. В этом, кажется, не было нужды, ведь вы полностью обо всем осведомлены и компетентны, чтобы ответить на мои вопросы. Да и втягивать ее в столь щекотливое дело не очень-то красиво. С моей стороны логично было предположить, что вы ожидали от меня таких вопросов, на которые мисс Горен смо-

жет ответить, а вы нет, и поэтому сочли нужным взять ее с собой. Очевидно, этих вопросов я не задал, но спровоцировал ее. Когда я спросил, не хочет ли она что-нибудь добавить, мисс Горен посмотрела на вас. Безусловно, она что-то скрывает, и вам известно что. Я не в силах выудить это из вас — мне нечего вам предложить, как и нечем угрожать. Однако во мне заговорило любопытство, и его придется так или иначе удовлетворить. Возможно, вы согласитесь это сделать.

Буль сел и, уперев локоть в подлокотник кресла, прихватил кончик своего римского носа большим и указательным пальцами. Потом он опустил руку:

— Вы не пустомеля. Да, вы совершенно правы. Я ожидал, что вы поднимете тему, которая потребует присутствия мисс Горен, и удивлен тем, что вы не спросили. Мне бы хотелось поразмыслить об этом, но я не против рассказать вам, в чем дело. Вам говорили о грелках?

— Нет, сэр. О грелках мне никто и ничего не говорил.

— Тогда, значит, Пол... хотя это не важно. Расскажите им о грелках, Энн.

— Он уже все знает, — процедила она. — Его нанял один из Файфов.

— Все равно расскажите, — попросил Вулф. — Для сравнения.

Его обращение с женщинами отличалось как от методов Пола Файфа, так и от моих.

— Хорошо. — Она вздернула свой очаровательный подбородок. — Я положила пациенту две грелки с горячей водой, по одной с каждого бока, и меняла воду каждые два часа. В последний раз я поменяла ее перед самым уходом — перед тем, как миссис Таттл велела мне уйти. В воскресенье вечером ко мне домой явился Пол Файф — я снимаю небольшую квартиру на Сорок восьмой улице вместе с подружкой, она тоже работает сиделкой. Пол сказал, что, когда обнаружил своего брата мертвым в то утро, он откинул одеяло и грелки лежали на месте, только они были пустыми. Он забрал их и отнес в ванную комнату. Потом там их заметила его сестра, миссис Таттл, и позвала

его взглянуть на них. Она решила, что это сиделка забыла наполнить их, и собиралась сообщить об этом доктору. Пол спросил, не меняла ли она сама воду до того, как лечь спать, и миссис Таттл сказала, что нет, ей и в голову не приходило, что нужно это делать, поскольку сиделка перед уходом налила горячей воды.

В голосе мисс Горен не осталось ни намека на сиплость. Он был чистым, твердым и уверенным.

— По словам Пола Файфа, он якобы сказал сестре, будто это он вылил воду из грелок, когда относил их в ванную. Он говорит, что придумал это под влиянием момента, не желая, чтобы его сестра пожаловалась на меня доктору, но потом, опять же с его слов, понял, что напрасно это сделал, поскольку пустые грелки могли иметь какое-то отношение к смерти брата. Он предложил мне пообедать с ним, чтобы обсудить это. Мы стояли на пороге моей квартиры, так как я не позволила ему войти, и я захлопнула дверь у него перед носом. На следующий день, то есть вчера, Пол трижды звонил мне, а вечером явился снова, но я ему не открыла. Поэтому он рассказал все своему брату Дэвиду и уговорил прийти к вам. Совпадает ли мой рассказ с тем, что вам уже известно?

Вулф нахмурился, глядя на нее.

— Пф! — наконец фыркнул он и, оставив сиделку, снова обратился к Булю: — Вот, значит, о чем вы говорили, — пробурчал он.

Буль кивнул:

— Мисс Горен звонила мне в воскресенье вечером, чтобы все рассказать, и потом еще вчера днем и ближе к ночи. Что естественно, ведь под сомнение ставился ее профессионализм. Вы по-прежнему удивлены тем, что я привел ее с собой?

— Больше нет. Но я ничего не слышал о грелках. Какова вероятность того, что мисс Горен сама забыла налить в них воды?

— Никакая, поскольку она говорит, что воду налить не забыла. Она получала квалификацию в больнице Маунт-Киско, и я хорошо ее знаю. Когда я работаю с пациентами из Нью-Йорка, то всегда пользуюсь услугами мисс Горен, если она свободна. Так что эту версию можете смело отбросить.

— Тогда либо Пол Файф лжет, либо кто-то достал грелки из кровати, опорожнил их и положил обратно, что кажется бессмысленным. Никакого существенного воздействия на состояние пациента это не могло оказать, не так ли?

— На состояние пациента не могло. — Буль провел ладонью по седой шевелюре. — Зато могло повлиять на репутацию мисс Горен, и я чувствую некоторую ответственность, поскольку это я пригласил ее ухаживать за Бертрамом Файфом. Вы не интересовались моим мнением, но я все же выскажу его. По-моему, Бертрам умер от пневмонии, и никаких способствующих факторов не было, кроме тех, в которых он повинен сам. Здесь я имею в виду его отказ лечиться в больницу и использовать кислородную палатку. Я также считаю, что он совершенно напрасно настоял на приходе гостей, несмотря на болезнь. В детстве он был очень упрямым и, по-видимому, с тех пор не изменился. Что касается грелок, то мне кажется, что Пол Файф лжет. Не хочу оговаривать его за глаза, но о его эскападах в погоне за женщинами в нашем городке знают все. Когда какая-нибудь девушка нравится Полу, для него это не просто влечение, а одержимость. При виде грелок в постели он запросто мог сообразить, как сделать их оружием в покорении мисс Горен, это совместило с его характером и прошлыми поступками. Вот почему он отнес грелки в ванную и опорожнил их.

— Тогда глупо было говорить сестре, что это сделал он, — возразил Вулф.

— Нет, — покачал головой Буль. — Пол просто хотел отвлечь ее. Мисс Горен же он мог представить это как услугу ей и в то же время мог пригрозить, по крайней мере неявно, что еще может взять свои слова обратно и рассказать всем о ее нерадивости. Я не утверждаю, что Пол Файф не глупец. Люди, страдающие одержимостью, обычно не отличаются умом. Я всего лишь хочу сказать, что, как мне кажется, сестре Пол сказал правду, а мисс Горен — неправду. Думаю, это он вылил воду из грелок. Как я понимаю, позднее он придет сюда вместе с остальными, и я прошу передать им, что любая попытка обвинить мисс Горен в небрежности будет встречена мною крайне негативно.

В таком случае я посоветую ей обратиться в суд с иском о клевете и сам выступлю свидетелем. Если вы предпочтете, чтобы я лично сказал им...

В дверь позвонили. Я поднялся и сходил в прихожую, чтобы взглянуть, кто это, а потом вернулся в кабинет.

— Они пришли, — сказал я Вулфу. — Дэвид и с ним двое мужчин и женщина.

— Опоздали на десять минут, — произнес Вулф, сверившись с настенными часами. — Приведи их сюда.

— Нет! — Энн Горен вскочила с места. — Ни за что! Я не желаю находиться с ними в одной комнате! Доктор Буль, пожалуйста!

Должен сказать, я был согласен с ней. Одержимостью я не страдал, но с ней был полностью согласен. После секундного размышления доктор Буль тоже согласился и уведомил об этом Вулфа. Тот задумчиво посмотрел на сиделку и решил присоединиться к мнению большинства.

— Хорошо, — кивнул он. — Арчи, проводи мисс Горен и доктора Буля в гостиную и выпусти их после того, как остальные пройдут в кабинет.

— Да, сэр.

Когда я шел отворять дверь, звонок раздался снова. Наверняка это Пол со своей вспыльчивостью. Если бы он знал, кто здесь, то, думаю, прорвался бы через стеклянную панель в нашей входной двери.

ГЛАВА 3

Доставив вновь прибывших в кабинет Вулфа и проводив Буля с сиделкой, я уселся за свой стол и приготовился записывать. Судя по всему, расследование смерти, удивившей доктора, постепенно превращается в изучение того, какими способами некий агент недвижимости добивается внимания женщин, а это не та работа, ради которой Вулф согласится напрягать свой гений, какой бы гонорар ему ни обещали. Я уже предвкушал интересное зрелище.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРОЕ НА ОДИН СТУЛ

Перевод Е. Копосовой

Окно смерти	7
Иммунитет к убийству	76
Слишком много сыщиков	137

ЕСЛИ БЫ СМЕРТЬ СПАЛА

Перевод О. Александровой211

ЧЕТВЕРО ДОЛЖНЫ УЙТИ

Перевод А. Санина

Рождественская вечеринка	401
Пасхальный парад	465
Праздничный пикник	513
Убийство — не шутка	555

Стаут Р.

С 78 Если бы смерть спала : роман, повести / Рекс Стаут ; пер. с англ. Е. Копосовой, О. Александровой, А. Санина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 608 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-18307-0

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Мультимиллионер Отис Джаррелл уверен, что его невестка продает секреты компании конкурентам, и, чтобы доказать ее вину, решает нанять Ниро Вулфа. И вот для сбора компромата Арчи Гудвин под видом нового секретаря поселяется в доме Джаррелла. А через два дня убивают предыдущего секретаря, и Арчи оказывается в самой гуще событий. У полиции, естественно, возникает вопрос: каким образом Вулф и Гудвин заранее узнали об убийстве?

Кроме романа «Если бы смерть спала», в книгу вошли еще семь повестей об очередных делах знаменитого сыщика, объединенных в два сборника «Трое на один стул» и «Четверо должны уйти». Подозрение падает на Ниро Вулфа, и он должен найти истинного убийцу, чтобы снять обвинение с себя и Арчи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

ЕСЛИ БЫ СМЕРТЬ СПАЛА

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Лариса Дорохина, Юлия Теплова

Подписано в печать 21.10.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-1LD-26898-01-R